

Идет хранит тебя моя

Родители. Май 1945

Когда началась война, мой отец, Александр Остапович Авдеенко был, наверно, самой одинокой фигурой в среде творческой интеллигенции. Он ворвался в литературу в начале тридцатых на крыльях горячего горьковского благословения. Его первый роман «Я люблю» издавался огромными тиражами, был переведен на многие языки. Потом были другие книги, киносценарии. И вдруг после выхода на экраны фильма «Закон жизни» все разом прервалось. В сентябре 1940 года на «Совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» по сценарию А.О.Авдеенко» И.В.Сталин в своей пространной речи сказал в заключение: «Влезать в душу – не мое дело, но и наивным быть не хочу. Я думаю, что он человек вражеского охвоста и он с врагами перекликается». Автор сценария был исключен из партии и Союза писателей, выселен из квартиры и с дачи, со дня на день ждал ареста. А пока снова пошел работать на шахту в Донбассе. Тут началась война. Добровольцем отца не взяли, ибо в его военном билете значилось, что он офицер политабстава. Это исключенный-то из партии! На процесс разжалования в рядовые ушло несколько месяцев. И тогда он поступил в артиллерийское учили-

ще, закончив которое, получил звание лейтенанта и должность командира минометного взвода. Воевал, пока командир дивизии не направил его в редакцию дивизионной газеты. Затем был переведен на Ленинградский фронт. Забрасывал своими очерками редакцию «Красной звезды». Один из них – назывался он «Искушение кровью» – с личного позволения Сталина был наконец напечатан. Запрет на профессию был снят. Обо всем этом отец написал в книге «Наказание без преступления», изданной в конце восьмидесятых. Я предваряю этой короткой справкой выдержки из писем военной поры, которые трепетно хранит мама, бесконечно их перечитывая. В 1941 отцу было 33 года, маме 24, мне 4. Весной 1946-го родился брат Сергей – дитя Победы.

Александр Авдеенко

16 мая 1943 г.

Любимая Каштаночка,
Твое время наступило – послеполуночное. Люблю я тебе писать в тишине, одиночестве. Но мне стало страшно тебе писать и я лег, потушил свет, очень долго лежал в темном одиночестве, сколько вытерпел. Потом встал, зажег снова лампу и углубился в яростный свет поэзии Лермонтова. Вчера у меня была эпоха Толстого, сегодня – Лермонтова. И там, и тут я нашел отзвук того, что происходит в моей душе. Заснул с книгой в руках, с тихой отравленной кровью (погода виновата – дождь), смутными мыслями о тебе. Вот проснулся – сразу же к тебе. И кажется, зря – мрачноватое письмо что-то получается. Надо бросить, подождать. А не обмануть ли тебя, притворившись бодрячком бездумным? Нет, Любонька, чего-чего, а искренности в моих письмах предостаточно и притом повседневной. По моим письмам ты можешь восстановить всю мою жизнь.

Да, мне грустно очень. И я не могу скрыть это. Просто не могу. Несовершенство людей, мягко говоря, приводит меня в уныние. Никак я не могу к этому привыкнуть, никак! Даже больше того, все фантазирую, все стремлюсь к тому, чтоб человек стал как человек, обменивать любовь на любовь, доверие на доверие.

И в этом, Любонька, мое спасение от тоски,

в этом, несмотря на все наши несчастья, – наше счастье.

...мысль сильна,

когда размером слов не стеснена.

До чего ж велик Лермонтов в своей тоске. Никогда он меня так не поражал мрачной торжественностью своей поэзии, как сейчас. Ты послушай только, до чего прекрасно сказано в назидание «несчастливым», кто жалуется на свою судьбу.

И тот, на ком лежит ее печать,

Пускай не ропщет на судьбу свою.

Чтобы никто, никто не смог сказать,

Что на груди своей она змею

Согрела – ...

Иногда я чувствую себя змеей именно в этом смысле. Не смею я жаловаться, не смею, на свою судьбу. Как бы она ни сложилась – не смею. Во всякой жизни – радость. Страшны только смерть, небытие. Даже в страданиях – соки рождения. Кто знает, во что они выльются, эти страдания.

Каштаночка, я не утешаю тебя, тем более себя. В самом деле, как бы ни была непроницаема толща тьмы надо мной, все равно я ее пробью. Силой света своего сердца пробью, сердцем, пропечатанным правдой, пробью. Годом позже, годом раньше, но пробью. Обидно, если не теперь, в великий год этот, произойдет, но ничего.

Кончается листок. Мне всегда так жалко расставаться с тобой, будто это новая разлука. Подумай – каждый день я расстанусь с тобой. Обнимаю тебя, моя любимая.

Без даты

Здравствуй, дорогой, любимый мой сыночек, чудесный мальчик Сашенька, Зайчик мой маленький. Чудесным тебя называю потому, что уверен в твоей послушности маме. Помнишь, я в прошлом письме просил тебя слушаться маму? Надеюсь, это так и есть.

Сашенька, посылаю тебе маленькую книжечку. У вас, наверно, в Москве такие, даже лучше, есть. И все-таки эта, моя, лучше. Не забывай, что она с фронта. Помнишь, Зайчик, ты мне все показывал книжечку с рисунком. Маленькая девочка, оборванная, несчастная, говорит со слезами: «Папа, убей немца!» Убиваем мы их, Сашенька, немцев, убиваем, не по одному, а по тысяче. Сейчас, когда я пишу это письмо, стреляют орудия. Очень, очень много

орудий бьют по фашистам проклятым. Скоро, скоро, Сашенька, освободим великий город Ленина, Ленинград. Ты помни, сыночек, что папа твой освобождал Ленинград. Гордись!

Ну, до свиданья, Зайчик. Обними маму за меня крепко-крепко и поцелуй и в губы, и в глаза, и всюду, всюду. Люби ее, маму, Зайчик. Она у нас очень хорошая. А когда она что-нибудь сделает или даже только попытается сделать плохое, ты скажи ей с горьким упреком: «Ах, мама, мама, папа тебя считает такой хорошей, а ты...» Это, конечно, в том случае, если она не будет с тобой заниматься или что-нибудь в этом роде. Обнимаю тебя, сыночек, и завидую тебе, что ты около мамы рядышком. Завидую и маме, что она около тебя рядышком.

Папа

9 июля 1943 г.

Любимый Сашунька!

Тоскую, хочу тебя видеть. Пишу утром, сейчас иду с Сашкой на рентген и проч. анализы. И обещают отправить в лагерь. Сегодня надо его приготовить. Наметьте белье, постирать, зашить и прочее. А экзамены все стоят. Мучает меня это. Вот Сашка уедет, тогда буду сдавать. Засыпают меня домашние дела. Для себя бы я ничего не делала, а для Сашки надо и на рынок сбегать и приготовить четыре раза покушать и пр. пр. Как будто и немного, а смотришь: весь день провертелась и без толку. Изнервничалась, разозлилась, пока его спать не уложу, а потом сил не остается.

Если будешь посылать посылочку, то сахар весь не посылай, оставь себе. Сашка пока будет в лагере, а к зиме, может, у нас мед будет. Мои же 500 граммов мне хватает (объявили на июль уже). Я без сладкого не могу. Без всего могу, а сладкого мне не хватает. Сашка все это время вволю поел сладкого, даже избаловался, без сладкого ничего кушать не хочет. Но ему это необходимо, так у него малокровие. Он очень поправился за это время.

Без даты

Дорогой папочка!

«Дальше я не знаю, ты сама обо мне придумай!» Маму я не огорчаю, слушаюсь. Мама купила мне детский календарь очень большой и красивый. В нем много интелесных рисунков: Дед Мороз, танки, игрушки для елок и

жран и сивня

любовь и вера

много стихов. Сейчас я остаюсь с Бориской у бабушки (в 12 кв.) Она очень (зачеркнуто) хорошая, просто хорошая, а не очень. (Я сказала: «очень», а он говорит: «просто»). Так что от него похвалы добиться не так легко.

Целую папочку и жду писем. Твой сыночек Саша.

Ты с погонами или нет?

18 апреля 1943 г.

Здравствуй, миленький Сашуня!

Пишу я тебе, вероятно, уже десятое письмо, а от тебя – ни единого. Конечно, ты написал, и не одно, – задержались в пути. Вот обрадуюсь, когда получу их. Я живу несколько по-новому. Стоим мы на берегу Невы. Это большая, большая река. А где мы стоим, не скажу тебе, так как это военная тайна. Хорошая река Невы – широкая, чистоводная. В ветреную погоду на ней такие волны, как на море. Знаешь ли ты, что такое море? Жалко, очень жалко, что до сих пор еще не видел море. После войны обязательно поедим на Кавказ. Ну ладно, о Неве расскажу. Утром я хожу умываться на реку. Вода еще холодная, а то бы и купаться можно. Чуть потеплеет, будем и купаться. Ты спросишь, а когда же воюем? На все хватает времени, на все. У нас в редакции есть маленькая лодочка-байдарка, можно и покататься. Жалко тебя тут нет – вот бы покатался. Впрочем, у тебя тоже есть река, и не хуже нашей. – Москва. Был ли ты уже на ре-

ке. Или маме все некогда с тобой погулять? Нет, найдет время, хоть раз в неделю, но найдет.

Сейчас глубокая ночь, ты уже спишь. Я представляю, как спишь, – обнимаю маму, и во сне прижавшись к ней, и тихонько-тихонько дыша. Счастливым. Завидую я тебе.

Папа и Саша

Москва, июль 1943 г.

Любимый Шашуня!

То, что случилось сегодня, твоя статья в «Кр. Звезде» пока самое большое счастье и настоящее. Если бы знал, что со мной творилось. Два раза в жизни я плакала от радости. Когда получила телеграмму от мамы после томительной неизвестности и сегодня.

Сашенька, любимый, представляю твою радость. Я хочу знать подробно, как ты увидел статью. Представляю, как вызовет она. Да ты понимаешь, что это такое!? Вот теперь это начало счастья. Да, начало.

Целую тебя нежно, нежно – Люба

Июль 1943 г.

Лиюку ли я? Я тебе уже писал – нет, я не обольщаюсь. Трезво, спокойно работаю, в полном сознании, что все лучшее впереди. Кругозор мой значительно расширился. Жизнь я стал воспринимать совсем иначе. Нет, не висит надо мной уже прошлое. Не давит, не гнетет. Усилия я трачу не на то, чтобы устоять под этим грузом, а на то, чтобы разогнать подальше и бесследно темноту от себя, и окончательно пробиться к свету.

Ты пишешь: «Теперь мы с тобой стали равноправными». Сегодня мне уже дико слышать это. Сейчас мне кажется, что никогда и никому не удавалось меня сделать равноправным. Как меня ни трепали, однако я всегда чувствовал себя чистым, достойным лучшего. Вот отчего я теперь спокоен, не удивляюсь тому, что произошло.

Ты, любимая, конечно, чувствуешь мое спокойствие и живешь тихо, уверенно, крепче по земле ступаешь. Ах, Любонька, разве мы плохо и раньше жили? В самые горькие наши дни ты цвела, искрилась жизнью. И твоя неиссякаемая доброта, чистота твоя были для меня источником стойкости.

Ленинград 27 августа 1943 г.

Здравствуй, любимая моя Каштаночка. Здравствуй, семилетняя моя подружка, мой верный и славный товарищ во всех радостях и горестях нашей бурной жизни. Семь лет как мы поженились! Сегодня такой же тихий, теплый день, как семь лет назад. Милая Любонька, разве я обману твои надежды? Нет и нет, конечно. Все семь лет я любил тебя все больше и больше – и в этом было твое счастье. С каждым годом, с каждым днем я открывал в тебе все новые и новые хорошие качества, неизвестные даже тебе самой, – и в этом было твое счастье. У нас родился, вырос и растет сын, который выше наших мечтаний, и в этом твое счастье. Я крепко любил, люблю тебя, но знаю – еще сильнее буду любить – и в этом твое счастье.

Что еще тебе надо? Разве не это главное делает человека счастливым? Нет, любимая. Сегодня я чистосердечно могу сказать перед лицом нашей любви, что я жил ради твоего счастья. Но это не моя заслуга, а твоя. И мне хочется только одного: чтобы мои чувства не разошлись с твоими.

30 августа 1943 года

Какая великая радость, Любонька, – разгром таганрогской группировки немцев! Не забыла ли ты, что это родные мои места и родина моих предков – матери, отца, деда, прадеда. Приазовье! Милое, славное Приазовье! Анастасиевка – это большая деревня, где родился мой отец и где сейчас живут его родные: брат, сестра, бабушка. Не раз мне приходилось там бывать. Федоровка, а рядом, совсем рядом с ней Ефремовка – родина мамы и моя по существу родина, ибо я лет пять в общей сложности, самых впечатлительных лет, прожил там.

Вот бы где мне побывать! Боже мой, сколько я теряю! Да и не только я.

Может быть, маму я нашел бы в Ефремовке.

Москва, 9 октября

Милый мой, как мне хочется, чтоб тебе спокойно жилось, а для этого надо быть философом. Требовать от тебя быть бесстрастным, холодным, терпеливым к разным человеческим слабостям невозможно. Это противоречит твоей натуре, но, милый мой, это необходимо. Замкни свое сердце от всего, что не касается твоей работы, живи со своими героями, думай о нас с Сашенькой. Как я люблю твою чистоту! И как немного таких людей.

Я постоянно думаю о тебе и посылаю

страстные заклинания всем силам, чтобы они берегли тебя, моего любимого, самого лучшего в мире. Пусть хранит тебя моя вера, надежда и любовь.

Москва 12 февраля 1944 г.

Дорогой Сашенька!

Ты, наверно, не замечаешь сейчас отсутствия моих писем. Им сейчас далеко нужно тебя догонять. Я думаю, что ты на самом близком расстоянии от Берлина. Такое хорошее сейчас настроение, да и как не быть хорошему, когда так хороши наши дела на фронтах. На карту приходится так часто смотреть, что она, кажется, скоро не выдержит. Сашка считает дни до твоего приезда. По его подсчетам – осталось пять дней. У меня все растет и растет нежность к нему и огромная любовь. Он умница, но как надо заниматься им. Он не скажет мне спасибо, если мы не дадим ему настоящего воспитания. Летом кончу институт, кончится война, все будет легче, и я постараюсь сделать все, чтобы Сашка развивался хорошо.

Обнимаю тебя, нежно целую, пусть хранит тебя моя вера и любовь.

Твоя Каштаночка

30 марта 1945 года

Любимый мой! Сегодня получила сразу восемь писем. Представляешь мой восторг? Я так орала, танцевала, пицала. Мама смеялась, а потом начала читать. Все письма милые и нежные, к ним иллюстрации очень яркие, до сих пор слышу грохот и вижу пожары, бои в немецких городах. Так им и надо. Скорее бы их добить! Когда придет этот желанный день?

Сашенька сейчас хорошо учится. Он все же хороший парень. Одна беда – без обуви совсем. Сапоги порвал, валенки тоже, в Мосторге нет его размера ботиночек, ну да ладно, как-нибудь почино.

5 апреля 1945 года

Здравствуй дорогой Папа я живу хорошо а ты как хорошо или плохо? Ты мне совсем не пишешь я тебя хочу видеть. Я скоро перехожу во второй класс. Сейчас идет дождь, все дни очень плохие погоды. Мама тоже пишет тебе письмо у меня арифметика на 5. Папа пиши по чаще мама мне привезла мою краватку. (Видно, что его письмо пролежит еще пару деньков. Посылаю его тебе. Посмотри на свою грязнулю. Сегодня он как шелковый после вчерашнего скандала).

Жран и сивня - Я. 1940